

И к тому же, зачем ему было переносить тяготы, терпеть унижения, проливать кровь и рисковать жизнью, чтобы завоевать эту империю, если потом он должен был бы просто передать её какому-то неопытному ребёнку, который даже не понимает, что такое настоящие трудности? Только потому, что мать этого ребёнка провела ночь в его постели, и только потому, что этот ребёнок — его кровь, унаследовал его фамилию?

Всякий раз, когда Ци Юньхэн думал о том, что кто-то станет обладателем огромной империи только потому, что он его ребёнок, его охватывала необъяснимая злость, нежелание, неудовлетворённость и раздражение.

Но он также знал, что такие мысли ненормальны.

Подобно его одержимости Оуяном, они принадлежали к разряду тех вещей, которые человеческая мораль считает недопустимыми.

Даже став императором, он не был настолько могуществен, чтобы бросить вызов общепринятым в этом мире принципам и пойти против всего народа.

Поэтому он вырыл тайный проход, скрыв свою близость с Оуяном от глаз мира.

Поэтому он не выражал своего недовольства детьми, а просто находил их недостатки и старался их подчеркнуть для окружающих, как это было с высокомерием старшего принца и посредственностью второго принца.

Но такие мысли он не делился даже с Оуяном.

Если правитель неосторожен, он потеряет своих подданных; если подданный неосторожен, он потеряет свою жизнь. Если дела не держать в секрете, это приведёт к беде.

Чем больше ты любишь человека, тем меньше ты должен давать ему возможности и повода ударить тебя в спину.

Ци Юньхэн опустил голову на шею Оуяна и тихо произнёс:

— Если бы Чунъянь мог родить мне ребёнка, было бы лучше.

Возможно, тогда он смог бы испытывать немного радости от этого ребёнка.

— Не говори о невозможных вещах, — Оуян не стал поддакивать Ци Юньхэну, чтобы порадовать его сладкими речами. — Даже если бы я мог родить, я бы не стал этого делать, тем более для тебя.

— Что ты имеешь в виду? — Ци Юньхэн тут же поднял голову, уставившись на Оуяна. — Что значит «мог бы, но не стал», и «тем более для тебя»? Что во мне плохого?

— Ты император, и это самое большое твоё «плохо», — спокойно ответил Оуян. — Дети в обычных семьях, даже если не получают наследства, могут уйти из дома и начать самостоятельную жизнь. Если они будут прилагать усилия, смогут жить хорошо, и, возможно, даже будут вызывать зависть у тех, кто когда-то их превосходил. Но в семье императора путь только один, и вся конкуренция ведётся на жизнь, причём даже проигравший не может просто смириться с поражением. Даже если они откажутся от конкуренции, им придётся жить как свиньям, всегда готовыми к тому, что их зарежут.

— Если бы это был сын Чунъяня, я бы сразу же назначил его наследником престола в момент его рождения! — беззаботно заявил Ци Юньхэн.

Оуян чуть не плюнул ему в лицо, но сдержался и с максимальным спокойствием язвительно ответил:

— Наследник престола — это одно, а император — совсем другое. Были люди, которые всю жизнь были наследниками, но так и не стали императорами, а иные даже не смогли удержаться в роли наследника. Кстати, говоря о стабильности, есть только одна должность, которая действительно обеспечивает полный покой.

— Какая? — с любопытством спросил Ци Юньхэн.

— Вдовствующая императрица, — медленно произнёс Оуян.

Ци Юньхэн тут же замолчал.

Даже он мог лишь под предлогом заботы о здоровье отстранить свою мать — вдовствующую императрицу Юнь — от дел, не причиняя ей вреда, не уничтожая её и не допуская, чтобы о ней распространялись плохие слухи, чтобы сохранить её достоинство как матери нации. Через некоторое время ему придётся вывести её на публику, чтобы сановники и придворные дамы могли выразить ей почтение, чтобы сохранить репутацию любящей матери и сына.

Небо, Земля, Правитель, Родители, Учитель.

Это основа порядка в империи.

Если этот порядок нарушится, Небо и Земля, возможно, и не пострадают, но он, как правитель, непременно окажется первым, кто понесёт урон.

Ци Юньхэн не мог отпустить власть, поэтому ему приходилось подчиняться этому установленному порядку.

Вдовствующая императрица Юнь также извлекала из этого выгоду.

Слова Оуяна о том, что «только вдовствующая императрица может жить в полном покое», стали истиной.

— С этой точки зрения, императрица, наложницы — всё это не важно. Главное — это возможность родить сына и как можно скорее возвести его на престол. Это и есть основная цель, ради которой женщины в императорском гареме должны бороться, — серьёзно продолжил Оуян. — К сожалению, даже если просмотреть всю историю, мало женщин, которые понимают это.

Ци Юньхэн, который до этого был в унынии из-за своей бессильной борьбы, вдруг рассмеялся.

— Чунъянь, ты действительно проницателен!

— Моя проницательность бесполезна! — Оуян вздохнул, как будто в раздумьях. — Я не женщина, не могу родить сына, и уж точно не стану вдовствующей императрицей.

— Если бы ты был женщиной, я бы оставил завещание, чтобы ты последовал за мной в могилу, и тогда бы ты не смог стать этой самой вдовствующей императрицей! — Ци Юньхэн обнял Оуяна и посадил его себе на колени, угрожающе произнося эти слова.

— Если бы я был женщиной, мне бы не понадобилось твоё завещание, я бы сам перерезал себе горло! — Оуян гордо поднял голову, не моргнув глазом.

Говорить глупости — это ведь каждый может.

В конце концов, в этом мире нет «если бы» и «если».

Ци Юньхэн также осознал, что такая «демонстрация преданности» бессмысленна. Посмотрев на Оуяна, как на своего рода зеркало, он начал с яростью покусывать его губы и шею.

Оуян, позволяя ему вымещать свои эмоции, воспользовался моментом и сказал:

— Ты не должен думать только о сыновьях, помни, что у тебя есть и дочери! С сыновьями можно позволить природе решать, кто будет сильнее, ведь в любом случае, кто бы ни победил, ты не проиграешь как отец. Но с дочерьми всё иначе. Если ты не воспитаешь их хорошо, не научишь их, то в будущем их будут обижать в чужих семьях! Разве ты хочешь, чтобы твои дочери стали как госпожа Цянь, брошенные мужьями и неспособные высказать свои страдания?

Ци Юньхэн тут же остановился и, обняв Оуяна, задумался.

Оуян почувствовал, что Ци Юньхэн, вероятно, связал это с чем-то другим, но он уже не хотел углубляться в эту тему и не желал слишком вмешиваться в семейные дела Ци Юньхэна.

Сказав то, что нужно было сказать, Оуян замолчал.

Даже если Ци Юньхэн не говорил об этом, Оуян видел, что Ци Юньхэн действительно совершенно не заботится о своих детях. Его единственное требование — чтобы они жили, не умирали. В обычных разговорах Ци Юньхэн мог упомянуть своих наложниц, поговорить о новой императрице, пожаловаться или даже похвалить. Но о детях он старался не упоминать, как будто даже мысль об их существовании вызывала у него сильное раздражение.

Иногда Оуяну хотелось схватить Ци Юньхэна и спросить: если ты их не любишь, зачем ты их тогда родил?

Но Оуян так и не сделал этого.

Просто потому, что у него не было права.

Все в мире могли задать этот вопрос, только Оуян не имел на это права.

Сердце каждого имеет свои пределы. В сердце Ци Юньхэна были империя и он, и места для других там не оставалось.

И чувство быть любимым легко становится зависимостью. Хотя внешне Оуян выглядел спокойным, в глубине души он совершенно не хотел делиться этим удовольствием, приносящим радость телу и душе.

По крайней мере, не добровольно.

К тому же, что бы он получил, задав этот вопрос?

Разве он мог заставить Ци Юньхэна любить своих детей?

Если бы он действительно сделал это, разве Ци Юньхэн был бы ему благодарен, или его дети были бы ему благодарны?

Ответ, скорее всего, был бы одинаково отрицательным.

Никто не был бы ему благодарен.

Ци Юньхэн посчитал бы это лишним и даже наглым, а его дети просто посчитали бы, что он вообще не должен был существовать, а его добрые дела — лишь попытка сохранить себя.

Хотя он и Ци Юньхэн были официально женаты перед Небом и Землёй, кто сейчас считал бы его настоящим хозяином дома, а кто бы думал, что он законный супруг?

Если бы это было написано в романе, Оуян был бы типичным злодеем, который в конце концов покончил бы с собой, чтобы искупить свои грехи, и никто бы его не пожалел.

Поэтому он решил быть злодеем до конца. Каким бы ни был финал, радостным или печальным, он хотя бы прожил свою жизнь в полную силу, не потратив её зря в императорском дворце.

Но в сердце Оуяна всё же оставалась одна граница —

Если меня не трогают, я не трогаю других.

Какими бы ни были характеры детей Ци Юньхэна, за полмесяца в дворце ни они, ни их матери не причиняли ему вреда, императорский гарем и Летний дворец также не вмешивались в дела друг друга, и всё было мирно.

Без вражды и обид Оуян не мог подставить маленьких детей и без причины разрушить их жизни.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16203/1454562>